

Е.И. Нестерова*

ОТКРЫТИЕ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО
КОНСУЛЬСТВА В ХАРБИНЕ: ПРЕДЫСТОРИЯ (1906–1907)doi:10.31518/2618-9100-2023-3-5
УДК 327:94(5)

Выходные данные для цитирования:
Нестерова Е.И. Открытие российского генерального консульства в Харбине: предыстория (1906–1907) // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 67–79.
URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-05.pdf>

E.I. Nesterova*

OPENING OF THE RUSSIAN CONSULATE GENERAL
IN HARBIN: PREHISTORY (1906–1907)

doi:10.31518/2618-9100-2023-3-5

How to cite:
Nesterova E.I. Opening of the Russian Consulate General in Harbin: Prehistory (1906–1907) // Historical Courier, 2023, No. 3 (29), pp. 67–79.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-3-05.pdf>]

Abstract. The alliance treaty between China and Russia (05.22.1896), the contract for the construction and operation of the Chinese Eastern Railway (08.27.1896), and the convention on the Liaodong Peninsula (03.15.1898) made Russia's priority in Manchuria obvious. However, the Russo-Japanese War changed the situation. After its end and the signing of the Japanese-Chinese agreement, the Chinese government decided to open a number of cities in Manchuria to foreigners from January 1, 1907. Thanks to this, any state could establish its own consulate in open cities. In the context of competition for the expansion of spheres of influence in China, the question of consulates acquired special importance. The very fact of their creation was an important means of strengthening the influence of a state both in the region and in the country. The specificity of Harbin was that by the time the Russian consulate was established, institutions (both Russian and Russian-Chinese) that partially performed consular functions had been operating there for several years. The article attempts to identify institutions that are significant in this aspect, to trace the conditions of their emergence, the scope of competencies and powers, and the mechanism of communication with regional and central Chinese authorities. The analysis of this subject allows us to further study the activities of the Russian consuls in Manchuria and to more clearly understand the situation in which they had to protect the interests of the Russian Empire and its subjects.

Keywords: Harbin, Russian Consulate, diplomatic agent of the Ministry of Foreign Affairs in Manchuria, mixed courts, D.D. Pokotilov, V.F. Luba.

The article has been received by the editor on 01.03.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Подписание в конце XIX в. российско-китайских договора, конвенции и контракта (союзный договор между Китаем и Россией (22.05.1896), контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги (27.08.1896), конвенция о Ляодунском полуострове (15.03.1898)) сделало приоритет России в Маньчжурии очевидным, но не неоспоримым, что и продемонстрировала русско-японская война. После ее окончания и подписания японо-китайского соглашения китайское правительство приняло решение открыть для иностранцев с 1 января 1907 г. ряд городов Маньчжурии. Благодаря этому любое государство могло учредить свои консульства в открытых городах.

* Елена Ивановна Нестерова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, e-mail: blb1@mail.ru

Elena Ivanovna Nesterova, Candidate of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: blb1@mail.ru

В условиях политического и экономического соревнования за сферы влияния в Китае вопрос о приоритете открытия консульств приобретал особое значение, а сам факт их наличия являлся важным средством упрочения влияния того или иного государства как в регионе, так и в стране. Специфика Харбина заключалась не только в том, что он к этому времени стал центром КВЖД, но и в том, что к моменту создания российского консульства здесь уже не первый год действовали институции (как российские, так и российско-китайские), частично выполнявшие консульские функции. В статье предпринята попытка выявить значимые в этом аспекте институции, проследить условия их возникновения, объем компетенций и полномочий, механизм коммуникации с региональными и центральными китайскими властями. Анализ этого сюжета позволяет в дальнейшем при исследовании деятельности российских консулов в Маньчжурии более четко понимать ту ситуацию, в которой им пришлось отстаивать интересы Российской империи и ее подданных.

Ключевые слова: Харбин, российское консульство, дипломатический агент МИД в Маньчжурии, смешанные суды, Д.Д. Покотилов, В.Ф. Люба.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023 г.

1 июля 1908 г.¹ был принят «высочайше утвержденный, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой» закон «Об учреждении консульств в Маньчжурии», согласно которому в Харбине и Мукдене были учреждены генеральные консульства в Дальнем, Гирине, Цицикаре – консульства, а в Куаньченцзы – вице-консульство². Однако генеральное консульство в Харбине было открыто раньше – 1 января 1907 г., штат был утвержден Николаем II в конце 1906 г., а этому моменту, как следует из архивных документов, предшествовала интенсивная подготовка к открытию консульства, развернувшаяся осенью 1906 г. Настоящая статья посвящена анализу ситуации, предшествовавшей учреждению консульства в Харбине и истории его открытия.

Согласно японо-китайскому «Соглашению о Маньчжурии» (22.12.1905), после эвакуации русских и японских войск китайское правительство обязалось незамедлительно открыть для проживания иностранцев 16 городов в трех маньчжурских провинциях. Среди предназначенных к открытию городов был указан и Харбин³. Портсмутский мир отводил на вывод русских и японских войск полтора года⁴, и, следовательно, в начале 1907 г. центр КВЖД – Харбин – стал открытым для иностранцев городом, где могли действовать консульства любых государств.

Осознавая эти перспективы, российский МИД начинает форсировать работы по открытию консульств в Маньчжурии, российские дипломаты на протяжении второй половины 1906 г. предпринимают все возможные меры, чтобы не отстать от других стран и не остаться без официального представительства в сердце собственной сферы влияния – Харбине. В начале декабря 1906 г. на стол императора ложится секретная телеграмма посланника в Пекине Д.Д. Покотилова, в которой говорится о «крайней желательности» назначения консулов в Харбине, Гирине, Цицикаре, Куанченцзы не позже первого наступающего января, «дабы, в виду несомненного назначения туда же иностранных консулов, наши представители повсюду в Северной Маньчжурии занимали первенствующее положение»⁵. Николай II пишет на телеграмме единственное слово: «Да».

¹ Даты в статье приведены по старому стилю.

² Об учреждении консульств в Маньчжурии // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1911. Т. 28. Ч. 1. С. 454.

³ Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге. Харбин, 1922. С. 63.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 2236. Л. 8, 11–13.

Опасения российских дипломатов были не беспочвенны – ряд иностранных государств также проявил явную заинтересованность и был намерен воспользоваться этой возможностью. Особенно в этом преуспели США и Япония, так как первые были заинтересованы в экономическом проникновении в регион, а вторая, получив в качестве сферы влияния Южную Маньчжурию, пристально наблюдала за Северной. Американское правительство отправило своего представителя в Харбин даже не дожидаясь официального открытия Маньчжурии. Назначение будущий консул Фред Дуглас Фишер⁶ получил 22 июня 1906 г.⁷, а уже в начале октября 1906 г. он находился в Харбине, правда пока как неофициальное лицо⁸.

Первое здание российского генерального консульства в Харбине (1907–1909). В наши дни в здании находится гранд-отель «Лунмэнь Модерн Плаза». ул. Хунцзюнь, д. 85

будущий консул Фред Дуглас Фишер⁶ получил 22 июня 1906 г.⁷, а уже в начале октября 1906 г. он находился в Харбине, правда пока как неофициальное лицо⁸.

Основная тяжесть, связанная с решением организационных вопросов по открытию российского императорского генконсульства в Харбине, легла на плечи дипломатического агента в Гирине – В.Ф. Люба⁹. Во многом благодаря его усилиям удалось открыть генконсульство раньше всех – 1 января 1907 г.¹⁰ В «Записке о консульстве в Харбине» В.Ф. Люба не без гордости писал: «одновременно с открытием Северной Маньчжурии для иностранной торговли русский консульский флаг взвился над Харбином <...>»¹¹.

Чуть позже, в первых числах января 1907 г., начало свою работу американское консульство, а в 20-х числах февраля того же года приступил к деятельности в Харбине японский консул Каваками Тосицунэ (川上俊彦)¹².

Однако ситуация, в которой начал работу В.Ф. Люба, была далека от стандартной – Северная Маньчжурия входила в сферу политических и экономических интересов Российской империи, здесь располагался главнейший российский актив – КВЖД, в Харбине находилось значительное количество подданных Российской империи, имевших право в случае необходимости обратиться за помощью к своему консулу, при этом формально в консульский округ входила полоса отчуждения, жизнь в которой контролировало Управление КВЖД. Плюс ко всему этому уже существовало несколько инстанций, которые частично выполняли консульские функции. Сам В.Ф. Люба к моменту назначения консулом был чиновником одной из таких структур – дипломатического агентства в Гирине. Кроме агентства, важным представляется упомянуть о существовании смешанных судов и отдела сношения с китайскими властями в Управлении КВЖД, который иногда шутя называли собственным МИДом КВЖД. Рассмотрим подробнее условия возникновения и объем компетенций этих структур, а также попытаемся описать механизм коммуникации с региональ-

⁶ Фред Дуглас Фишер (Fred Douglas Fisher) (13.03.1874–?) – американский дипломат. Более десяти лет прослужил в Китае: консул в Харбине (1906–1908), Ньючжуане (1909), генеральный консул в Мукдене (1909–1914), Тяньцзине (1914–1918).

⁷ Register of the Department of State. December 15, 1916. Washington, 1917. P. 90.

⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 224. Л. 11.

⁹ После окончания в 1886 г. восточного факультета СПбУ В.Ф. Люба был направлен на службу в Степное генерал-губернаторство, назначен переводчиком китайского и маньчжурского языков при первом генерал-губернаторе Степного края Г.А. Колпаковском, в 1887 г. командирован в Кульджу для усовершенствования языка. С 1 июня 1890 г. переходит на службу в МИД. Занимал должности драгомана консульства в Урге, чиновника МИД в Гирине. Во время беспорядков летом 1900 г. находился в Харбине. В феврале 1904 г. прикомандирован к Полевому управлению Маньчжурской армии для ведения дипломатической переписки. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1894. Л. 2–2 об., 6, 10, 23, 39.

¹⁰ Понимая, что такой объем задач невозможно решить в одиночку, в конце сентября 1906 г. В.Ф. Люба обратился с просьбой к посланнику в Пекине Д.Д. Покотилу о придании ему в помощь драгомана консульства в Урге Попова, «ургинского Попова», как писал Люба.

¹¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 210. Л. 45.

¹² Там же. Д. 1422. Л. 47.

ными и центральными китайскими властями. Для этого совершим небольшой экскурс в прошлое.

Айгунский (1858) договор, помимо разграничения территории между Россией и Китаем, регулировал некоторые сферы экономических взаимоотношений, предоставив представителям обеих стран исключительное право судоходства и торговли по Амуру, Сунгари, Уссури¹³. Позже Санкт-Петербургским договором (1881) было добавлено разрешение беспошлинной торговли в пятидесятиверстной зоне по обе стороны от границы¹⁴. Эти договоры не предполагали открытия консульств в Маньчжурии, поэтому урегулирование всех возникающих вопросов было возложено на местную администрацию. Пекинский договор (1860) (ст. 9) зафиксировал, что, помимо «сношений, производившихся на восточной границе, чрез Ургу и Кяхту, между кяхтинским градоначальником и ургинскими правителями, а на западной между генерал-губернатором Западной Сибири и Илийским управлением, пограничные сношения будут еще производиться: между военными губернаторами Амурской и Приморской областей и хэйлун-цзянским и гириньским цзян-цзюнами¹⁵ (главнокомандующими); между кяхтинским пограничным комиссаром¹⁶ и царгучеем (бу-юань). <...> В случае дел особой важности, генерал-губернатору Восточной Сибири предоставляется право иметь письменные сношения, – или с Верховным советом (Цзюнь-цзи-чу), или с Палатой внешних сношений (Ли-фань-юань), как главным местом, заведывающим пограничными сношениями и управлением»¹⁷.

В приграничных с Маньчжурией российских областях – Забайкальской (1863), Приморской (1869) и Амурской (1896) – были введены должности пограничных комиссаров, «для заведования пограничными делами и сношения с китайскими властями по пресечению перехода через границу злонамеренных людей»¹⁸, как писал генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в записке с предложениями по реформированию системы управления Приморской областью, поданной императору 17 декабря 1868 г.

На примере временной инструкции пограничному комиссару Южно-Уссурийского края рассмотрим ту часть его обязанностей и полномочий, которая может пересекаться с консульскими. Пограничный комиссар должен был заниматься урегулированием спорных вопросов между русскими и китайскими подданными. В случае возникновения претензии к русскому подданному со стороны китайцев пограничному комиссару следовало с помощью местных властей найти виновных, записать их показания и «по подробном рассмотрении удовлетворить претензии или требования китайских властей, уведомляя их о своем решении письменно или словесно». Виновных надлежало отослать к тому начальству, которому они подведомственны. Пограничный комиссар должен был наблюдать, чтобы китайские подданные также несли наказание в надлежащем случае¹⁹. Кроме того, он должен был «заботиться о сохранении соглашения между местными жителями обоих государств, а благоразумными и справедливыми действиями в сношениях с китайскими властями стараться приобрести нравственное над ними влияние и внушить им необходимое к себе уважение»²⁰. В силу слабой изученности Китая и Кореи в обязанности пограничного комиссара включались сбор и систематизация сведений о внутренних делах этих стран, экономическом развитии приграничных провинций, структуре власти. Отмечалась важность сбора сведений о чиновниках, с которыми приходится иметь дело, и о новых распоряжениях китайского правительства²¹.

¹³ Сборник документов, относящихся... С. 1.

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Цзянцзюнь (将军 (кит.) полководец, военачальник) – военный губернатор в Маньчжурии в эпоху Цин.

¹⁶ Первоначально в 1851 г. должность пограничного комиссара в Кяхте была учреждена при Кяхтинском градоначальнике. В 1863 г. систему изменили: пограничный комиссар стал находиться в прямом подчинении у военного губернатора Забайкальской области, а по дипломатической части – у генерал-губернатора Восточной Сибири.

¹⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 80.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3184. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 29–29 об.

²⁰ Там же. Л. 29 об.

²¹ Там же. Л. 31.

Пограничный комиссар Забайкальской области взаимодействовал с «цзаргучеем Кяхтинского Маймачена», пограничный комиссар Южно-Уссурийского края – с селином г. Хунчуна, так как этот город «находится поблизости к русской границе»²², пограничный комиссар Амурской области – с фудутун²³ г. Айгуна. Однако генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков еще в 1869 г. сообщал, что «в видах упрощения и обеспечения пограничных сношений комиссар может входить в письменные сношения не с одними только китайскими начальниками ближайшими к месту его пребывания, но с другими властями в разных местах на границе, которых известное пограничное дело может непосредственно касаться»²⁴.

Увеличение интенсивности международных связей, миграционных процессов, регионального экономического взаимодействия привело к тому, что разнообразных дел с участием подданных Российской империи и иностранцев становилось все больше и не всегда они оказывались в поле зрения пограничного комиссара. В связи с этим приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской инициировал вопрос о введении должности чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Осенью 1896 г. этот вопрос был решен положительно. Чиновник по дипломатической части (согласно инструкции 1898 г.) должен был докладывать генерал-губернатору и вести делопроизводство по всем делам генерал-губернаторского управления, относившимся к сфере деятельности пограничного комиссара, а также вопросам, касавшимся иностранных государств и международного права²⁵.

Однако, как показала многолетняя практика, усовершенствование административной системы в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве, а затем, после реорганизации, в Приамурском, не решало проблем, возникавших у российских подданных на территории Маньчжурии. Российская администрация оказалась практически бессильна защитить тех, чьи права нарушались. По свидетельству С.М. Духовского, довольно часто маньчжурские власти пытались затруднить русское пароходство по Сунгари, что приводило «<...> после каждого рейса наших пароходов к массе жалоб и недоразумений». Сложно обстояли дела и с деятельностью российских купцов в районах, прилегающих к Сунгари – местные власти, иногда запрещали покупать что-либо у русских купцов, а иногда – вывозить из Маньчжурии купленный хлеб. В такой ситуации, «не имея средств предупредить на месте нарушения законных интересов и прав наших подданных, Приамурское начальство обречено на непосильный труд улажения самых разнообразных дел, возникающих с китайцами на огромном пространстве государственной нашей границы с Маньчжурией и внутри этой области, но не в состоянии изменить к лучшему общее ненормальное положение вещей, обусловленное как дальностью расстояний в этих краях, так и более своеволием главных и второстепенных маньчжурских властей, враждебно нам настроенных, которые, пользуясь обычною для местных администраций в Китае, независимостью от центрального правительства, мало обращают внимания на законные требования нашего пограничного начальства, даже и в том случае, когда они подкрепляются соответствующими предписаниями из Пекина»²⁶.

Для решения проблемы региональные власти несколько раз пытались инициировать вопрос об открытии российских консульств в Маньчжурии: одного – в Сан-Сине, как ближайшем к границе сунгарийском городе, другого – в Цицикаре или Гирине, «как более многолюдных городах и резиденциях местных генерал-губернаторов»²⁷.

В ноябре 1897 г. чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе Я.Я. Лютш в письме к вице-директору Азиатского Департамента Н.Г. Гартвигу писал:

²² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3184. Л. 34.

²³ Фудутун (副都统 (кит.) заместитель начальника «знамени») – начальник военного округа, подчинен цзянцзюню.

²⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3184. Л. 33.

²⁵ Там же. Д. 1947. Л. 8.

²⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prilib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

²⁷ Там же.

«В тесной связи с возрастанием наших интересов в Маньчжурии стоит вопрос об учреждении нашего там представительства. Приамурский генерал-губернатор <...> говорил мне, что такое крупное предприятие как постройка железной дороги, вынудит нас назначить там своего представителя, и так как учреждение консульств в Маньчжурии признается нежелательным, то можно было бы придать нашему представителю другое название, например Комиссара»²⁸.

Лютш подтверждал, что вопрос о «представительстве в Маньчжурии действительно назрел и требовал бы возможно скорого разрешения в той или другой форме, разумея под этим выражением главным образом число наших представителей в Маньчжурии. Во многих отношениях проект генерала Духовского заслуживал бы серьезного внимания. Учреждение одного представителя для всей Маньчжурии с необходимым числом помощников обеспечило бы единство в действиях нашего представительства, каковое обстоятельство играет немаловажную роль в такой стране, как Китай»²⁹. Необходимо было бы подчинение этого представителя МИДу и, следовательно, посланнику в Пекине.

Лютш аргументировал эту позицию так: «Как бы не оберегали самостоятельность и обособленность железнодорожных администрации и строителей, необходимость сношений (и весьма оживленных) с нашей миссией в Пекине будет безусловно неизбежной, потому что постройка железной дороги и в такой стране, как Китай, может производиться только при постоянном воздействии на Цзун-ли-ямьнь³⁰, а через сей последний на местную власть»³¹. В силу этого подчинение представителя в Маньчжурии посланнику в Пекине представлялось логичным и полезным. Обращаясь к кругу обязанностей представителя в Маньчжурии, Лютш предполагал, что он может следить за торговлей, которая «несомненно будет развиваться очень быстро», оказывать содействие российским купцам, торгующим на р. Сунгари, участвовать в разборе разных исков, предъявляемых к китайцам, или наоборот, и тому подобных ситуаций. В связи с этим представителем в Маньчжурии должен быть чиновник, имеющий специальное образование и консульский опыт, приобретенные в Китае, так как, по мнению Лютша, имелась специфика работы с китайскими чиновниками. Кроме того, он считал, что учреждение представительства сделает излишним в самом скором времени ассигнование 30 тыс. рублей в год на поощрение российского судоходства на Сунгари»³².

В конце концов, дело сдвинулось с мертвой точки. В марте 1898 г. комитет министров занялся этим вопросом, так как император сделал отметку в соответствующей части всеподданнейшего отчета военного губернатора Амурской области Д.Г. Арсеньева. Однако идея открытия консульства комитетом министров была отвергнута. Было заявлено, что появление российских консульств в Маньчжурии сделало бы возможным открытие консульств и другими государствами, что пошатнуло бы исключительное положение и преимущества России в Маньчжурии. Поэтому было предложено назначить в Маньчжурию дипломатического агента, которого не называли бы консулом, но который бы имел право коммуницировать с маньчжурскими властями «по делам нашей торговли и подданных, и, в случае надобности, мог бы, совместно с этими властями, решать спорные дела русскоподданных с местными жителями»³³.

Преимущество введения должности дипломатического агента заключалось еще и в том, что статус командированного чиновника не требовал переговоров и такого фундаментального согласования с китайской стороной, как открытие постоянно действующих представительств. Тем более что ст. 10 Петербургского договора (1881) указывала, что у России нет

²⁸ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 58.

²⁹ Там же. Л. 58–58 об.

³⁰ Цзунли ямэнь (總理衙門) с 1861 г. – внешнеполитическое ведомство в цинском Китае. В дореволюционном отечественном делопроизводстве встречаются разные варианты написания этого названия, наиболее частый – Цзун-ли-ямьнь.

³¹ АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 59–59 об.

³² Там же. Л. 59 об.

³³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

права учреждать консульства в Маньчжурии³⁴, следовательно для решения этого вопроса требовался пересмотр договора. Предполагалось, что Цзунли ямэнь увидит выгоду в появлении дипломатического чиновника в Маньчжурии, уполномоченного решать конфликтные ситуации на месте, а не через Миссию в Пекине, и не будет препятствовать его деятельности. Российскую сторону вполне бы устроило, если бы Цзунли ямэнь «предписал подлежащим властям впредь относиться к подобным делам непосредственно со сказанным чиновником на одинаковых основаниях, как местные власти близ границы сносятся с нашими пограничными комиссарами»³⁵. 7 апреля 1898 г император одобрил это решение.

Придумать название должности оказалось непростым делом. Комитет министров остановил свой выбор на названии «пограничный комиссар», однако МИД нашел такое название «неудобным», так как «оно могло бы породить недоразумения с китайскими властями в тех случаях, когда подлежащее рассмотрению дело не касалось бы приграничной части Маньчжурской области»³⁶. Кроме того, в приграничных с Маньчжурией российских областях должность с таким названием уже существовала.

МИД предложил то название, которое и было утверждено – «чиновник, специально командированный в Маньчжурию для заведывания делами общего характера, возникающими в этой области между русскими и китайскими подданными, за исключением относящихся к постройке дороги»³⁷.

Затраты на дипломатическое агентство проектировались такие же, как на содержание консульств во внутренних областях Китая (в Урге, Урумчи, Кульдже, Кашгаре). Годовое жалование чиновника – 9 000 руб., секретаря-драгомана – 3 750 руб. Кроме того, на канцелярию выделялось 1 500 руб., на почтово-конвойную команду – 1 275 руб., на найм и содержание помещения – 3 000 руб. Таким образом, агентство обходилось казне в 18 525 руб. в год.

Обсуждая объем полномочий, представитель министерства финансов сразу обозначил границы компетенции дипломатического агента: все, за исключением тех дел, «которые касаются постройки Китайской Восточной железной дороги, так как, по его словам, предприятие это достаточно уже обеспечено особыми средствами надзора и действует успешно»³⁸.

МИД оговорил еще несколько моментов. Во-первых, в виде исключения не указывать в документах город и провинцию Маньчжурии, в которых должен был работать дипломатический агент, «так как, впредь до опыта, вопрос о месте пребывания, по необходимости, должен оставаться открытым»³⁹. Во-вторых, публичное извещение о новой должности было сочтено «неудобным», поэтому «после утверждения в установленном порядке она оставалась не опубликованною Правительствующим Сенатом»⁴⁰.

7 июня 1899 г. в Петергофе решение Государственного Совета об учреждении новой должности было утверждено императором.

Собственно, таким первым неофициальным «консулом», не касающимся дел КВЖД, и стал В.Ф. Люба. В качестве резиденции агентства был избран г. Гири⁴¹.

³⁴ Сборник договоров России... С. 216.

³⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

³⁶ Там же.

³⁷ Такое громоздкое наименование было неудобно в использовании, поэтому в документах часто встречаются «укороченные» варианты – «дипломатический агент в Маньчжурии», «чиновник МИД в Маньчжурии» или «дипломатический чиновник в Маньчжурии».

³⁸ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. 1899. Д. 83 // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/item/875997> (дата обращения: 11.01.2023).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Всего было учреждено три должности дипломатического агента в Маньчжурии. 12 марта 1901 г. император в Царском Селе утвердил вторую должность дипломатического агента в Маньчжурии на тех же условиях и с той же сметой, что и первую. Местопребыванием второго дипломатического агента был выбран Мукден. 6 мая 1902 г. Николай II утвердил третью должность дипломатического агента в Цицикаре. В разное время эти должности занимали Н.В. Богоявленский, С.А. Колоколов, Н.М. Поппе, Н.Н. Кротков.

С 1901 г. агент МИДа присутствовал и в Харбине. Специально назначенного чиновника не было, но периодически для решения вопросов приезжал дипломатический агент из Гирина. Для подобных (нечастых) случаев Управление дороги выделило небольшой домик. По свидетельству В.Ф. Люба: «наезды эти до 1904 г. были редки, а затем Агентура приобрела более или менее постоянный характер путем откомандирования на большую часть года одного из чинов Гиринского агентства. Агентура эта делала в пределах возможного свое дело, но несомненно, что жалкое помещение, неопределенность функций и наличный штат из одного чиновника и писаря не могли способствовать созданию авторитета этого учреждения в глазах населения Харбина и многочисленных русских властей и китайской администрации»⁴². Функции Харбинского агентства заключались в основном в разборе судебных дел смешанного характера, поэтому складывалось впечатление, что агент – второстепенный чин в русской местной администрации⁴³.

Другой структурой, решавшей некоторые вопросы, находившиеся в консульской компетенции, являлись *главные отделения иностранных и железнодорожных дел (те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй)*.

Строительство КВЖД стимулировало появление новых и рост старых населенных пунктов в трех маньчжурских провинциях. Приток населения, причем людей не только разных национальностей, но принадлежавших к разным цивилизационным системам, имевших разное подданство/гражданство, поставил на повестку дня вопросы управления, административного надзора, судопроизводства. Пока дорога строилась с 1897 по 1903 г., «гражданское управление в полосе отчуждения совмещалось с общим руководством строительством»⁴⁴. После официальной передачи КВЖД строительным управлением эксплуатационному 1 июля 1903 г. все вышеупомянутые вопросы оказались в ведении последнего.

Однако уже вскоре после начала строительства стало очевидно, что имеющегося ресурса не хватает и необходимо создать институты, которые бы решали возникающие проблемы и координировали действия русских и китайских чиновников. Такими учреждениями стали Главные отделения иностранных и железнодорожных дел (те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй)⁴⁵, первоначально открытые в Харбине (бюро Гиринской провинции) и на ст. Фульэрди (бюро провинции Хэйлунцзян).

В 1899 г. по инициативе управления КВЖД прошли переговоры с гириным и хэйлунцзянскими цзянцзюнями. В мае 1899 г. в Харбине по результатам переговоров с цзянцзюнем Гиринской провинции Энем был подписан договор об открытии те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй, а спустя пять месяцев, 22 сентября 1899 г., практически идентичный договор⁴⁶ был заключен с цзянцзюнем Хэйлунцзянской провинции. С российской стороны договор подписали представители КВЖД – главный инженер А.И. Югович и помощник главного инженера С.В. Игнациус⁴⁷.

Первым в Харбине было открыто гириное отделение, созданное для решения возникающих в провинции дел, затрагивающих интересы Общества КВЖД, работников КВЖД, поставщиков, подрядчиков и мастеровых. Преступления (убийство, воровство, прелюбодеяние и т.п.), совершенные чернорабочими, оставались в ведении китайских властей. Все жалобы и претензии, а также тяжелые правонарушения должны были анализироваться в Отделении и расследоваться членами Отделения совместно с главным инженером КВЖД или его уполномоченным. Решения по делам принимали председатель и вице-председатель

⁴² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 210. Л. 45.

⁴³ Там же. Л. 46.

⁴⁴ Салогуб Я.Л., Казанцев В.П. Железнодорожная концессия 1898 года как фактор колониальной экспансии России в Китае // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 450.

⁴⁵ В документах и литературе встречаются и другие названия – дипломатических бюро, смешанные коллегии (цзяошэцзюй), смешанные суды.

⁴⁶ Разница заключалась в объеме финансирования – на содержание отделения выделялось 40 тыс. лян в год, а на обзаведение хозяйством – 10 тыс. Кроме того, несмотря на то, что соглашение было подписано осенью, финансирование начиналось с 14 апреля 1899 г.

⁴⁷ Сборник документов, относящихся... С. 38.

по взаимному соглашению с главным инженером или его уполномоченным. Пункт 5 предусматривал все постановления по всем делам принимать после согласования с главным инженером или его уполномоченным.

Если руководство Отделения и главный инженер (или его уполномоченный) не приходили к согласию, то дело для решения передавалось гириному цзянцзюню. Кандидатуры председателя и вице-председателя требовали согласования с главным инженером. Он же имел возможность предложить кандидатов на посты председателя и вице-председателя из числа «чиновников Гириной провинции, действительно известных Главному Инженеру, даровитых и близко знакомых с железнодорожными делами; такие представления рассматриваются Цзянь-Цзюнемь, который и постановляет по ним свое решение».

Финансирование Отделения в размере 60 тыс. лян в год ложилось на плечи КВЖД, также Дорога брала на себя постройку административных «зданий Отделения и домов для служащих (низших)», а также выдавала «деньги на обзаведение и обстановку зданий Отделения»⁴⁸.

Таким образом, создание Те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй, по сути, означало появление в пространстве русско-китайского взаимодействия нового контролирующего и инспектирующего органа в условиях нечетко определенного правового поля – с одной стороны, и усиление бюрократического начала и режима ручного управления – с другой. Важно отметить, что часть вопросов, которые были определены для решения те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй, входили в сферу консульской компетенции.

Спустя два с лишним года в связи с изменившейся ситуацией руководство Дороги и региональные китайские власти вернулись к обсуждению вопроса об организации деятельности те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй. 5 июля 1901 г. был заключен повторный договор с Гириным цзянцзюнем, а 1 января 1902 г. был подписан договор «на учреждение те-лу-цзяо-шэ-цзун-цзюй Хэйлунцзянской провинции». С российской стороны переговоры вел представитель Дороги Е.В. Даниэль⁴⁹.

Остановимся на этом моменте чуть подробнее. Евгений Васильевич Даниэль (Даниель) возглавлял один из отделов КВЖД – отдел сношения с китайскими властями. Как отмечает В.П. Казанцев: «Формирование самостоятельной структуры для осуществления взаимоотношений с представителями китайской администрации осуществлялось в соответствии с нормами “Оснований русского правительственного надзора в Маньчжурии”, принятыми во время “боксерского” восстания (1900 г.), по которым руководство КВЖД получило право по всем спорным вопросам напрямую обращаться к китайским властям. Для решения данной категории дел в аппарате строительного управления, а затем и эксплуатационного, была учреждена соответствующая должность – “Уполномоченный по сношению с китайскими властями”»⁵⁰. Первоначально назначение на должность уполномоченного по сношению с китайскими властями автоматически означало совмещение должности заведующего отчуждением земель, однако в 1904 г. ситуация изменилась и на эти должности стали назначать разных людей⁵¹. Бессменным уполномоченным по сношению с китайскими властями с 1902 и по 1917 г. был Е.В. Даниэль. Уполномоченный осуществлял общее руководство сношениями с китайской администрацией, а помощнику передавались дела по цзяо-шэцзюй и производство расследований по особо важным делам. Первым помощником уполномоченного 31 мая 1905 г. стал В.С. Иваненко, бывший до этого помощником заведующего отчуждением земель⁵².

Итак, полномочия российского генконсула были ограничены, о чем В.Ф. Люба не мог не знать, так как новичком в Харбине не был и с деятельностью этих структур и чиновников был знаком, но масштаб ограничений был неясен. МИД, назначив В.Ф. Люба на должность генерального консула, не снабдил его особой инструкцией, учитывавшей специфику деятель-

⁴⁸ Сборник документов, относящихся... С. 35.

⁴⁹ Там же. С. 43.

⁵⁰ Казанцев В.П. Формирование системы гражданского управления на арендованных Россией территориях: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 1890-х годов – февраль 1917 года). СПб., 2015. С. 227.

⁵¹ Казанцев В.П. Формирование системы гражданского управления... С. 228.

⁵² Там же.

ности в Харбине, возможный конфликт межведомственных интересов и особенности уже сложившейся практики коммуникации с китайскими властями. С другой стороны, выбор в качестве кандидатуры на должность генерального консула именно В.Ф. Люба, как с точки зрения профессиональной подготовки, так и осведомленности о подводных камнях, по всей видимости был оптимален, ведь бывший дипломатический агент в Гирине В.Ф. Люба периодически работал и в Харбине⁵³.

Открытию генконсульства в Харбине, как отмечалось выше, предшествовала сложная и разноплановая работа. Весь октябрь 1906 г. Д.Д. Покотилов бомбардирует МИД телеграммами об острой необходимости безотлагательного назначения консулов в Маньчжурию⁵⁴. Но для того чтобы назначения состоялись, нужно было утвердить документацию, касающуюся организации работы консульств, в том числе и штатное расписание, найти подходящие кандидатуры на открывающиеся вакансии и, наконец, решить вопрос размещения консульства.

Безусловно, все окончательные решения по первым двум вопросам принимались в Петербурге, однако между чиновниками МИД, находившимися в Китае, прежде всего В.Ф. Люба и Д.Д. Покотиловым, происходил интенсивный обмен мнениями по поводу будущего генконсульства в Харбине. В сентябре 1906 г. Люба отправляет в Пекин телеграммы, в которых излагает свое видение ситуации. «Исключительное положение наше в Харбине, по открытии здесь иностранных консульств, вынуждает позаботиться о том, чтобы чины нашего генерального консульства были поставлены в возможно благоприятные материальные условия, в особенности ввиду чрезвычайной дороговизны здешней жизни»⁵⁵.

«Первым необходимым условием функционирования нашего будущего генерального консульства в Харбине я считаю соответствие его штата действительной потребности. Правильная постановка ведения судебной части, которая является главной и самостоятельной ответственной функцией консульства в связи с проектируемой реорганизацией смешанного суда в Харбине, потребует от членов консульства напряжения всех сил и вызывается необходимостью включения в его состав лиц со специальным образованием или, в крайнем случае, подготовленных по прежней своей службе к предстоящей здесь деятельности. При этом существенно важно направить работу будущего консульства в соответствующие рамки с момента его открытия»⁵⁶. Ряд предложений и замечаний был учтен в итоговых документах, а вот высказанная позиция по отношению к судебной части и смешанным судам станет в будущем одним из катализаторов конфликта между консульством и Управлением КВЖД, разгоревшегося весной 1907 г.

7 ноября 1906 г. МИД представил в Совет министров проекты штатов и расходов, сопряженных с открытием новых консульств (табл. 1, 2)⁵⁷.

Таблица 1

Расходы на содержание консульских учреждений в Маньчжурии

Название консульства	Сумма (в руб.) в год
Генеральное консульство в Харбине	31 025
Генеральное консульство в Мукдене	27 025
Консульство в Дальнем	17 250
Консульство в Цицикаре	20 525
Вице-консульство в Куанченцзы	7 800

Составлено по: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2236. Л. 5.

⁵³ В.Ф. Люба оказался в Харбине и во время восстания ихэтуаней с 28.06 по 12.07.1900 г. Как отмечал генерал Гродеков, действовать ему приходилось «под огнем противника», за что позже он будет представлен к награде по военному ведомству. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1894. Л. 23.

⁵⁴ Там же. Д. 2236. Л. 13.

⁵⁵ Там же. Д. 224. Л. 3.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Д. 2236. Л. 3 об.

Таблица 2

Расходы на содержание генеральных консульств в Харбине и Мукдене

Штат	Харбин (штат. ед./руб.)	Мукден (штат. ед./руб.)
Генеральный консул	1 (10 500)	1 (10 500)
Канцелярские расходы	1 500	1 500
Вице-консул	1 (5 000)	–
Секретарь	1 (3 750)	1 (3 750)
Драгоман	2 (3 000)	1 (3 000)
На почтовую и конвойную команду	1 275	1 275
Найм и содержание помещения	3 000	3 000
Врач	–	3 500
Медикаменты	–	500
Итого:	31 025	27 025

Составлено по: АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 2236. Л. 5.

После обсуждения вопроса было решено ввести штаты консульств с 01.01.1907 г., одновременно упразднив дипломатические агентства в Гирине, Цицикаре, Мукдене. Параллельно в МИДе идут поиски наиболее подходящих кандидатур на вновь открывающиеся вакансии, что приводит к рокировкам мест службы дипломатов и консулов в Китае. В качестве возможных кандидатов для назначения в Харбин на должность вице-консула рассматриваются фигуры Лаврова⁵⁸, Кузьминского⁵⁹.

Как ни странно, препятствием, чуть было не ставшим непреодолимым, поставившим под большой вопрос саму возможность открытия российского консульства в Харбине, стало отсутствие подходящего помещения.

Для решения проблемы Люба задействует всевозможные каналы, как официальные, так и неофициальные. 8 октября 1906 г. он отправляет в министерство секретную телеграмму № 20, в которой сообщает о невозможности «приискать здесь в настоящее время сколько-нибудь сносное помещение на подходящем месте даже за приличную плату. В ожидании приезда иностранцев и устройства консульств цены на квартиры упорно поддерживаются высокие, несмотря на переживаемый Харбином после отлива войск кризис и множество построек. Аренда небольшого дома из 4–5 комнат в центре нового города, где должно быть устроено наше генеральное консульство, обходится в 5–6 тысяч в год без отопления, которое убийственно дорого»⁶⁰. Единственный выход из затруднительного положения, которое обрисовал В. Люба, – попросить помощи у руководства КВЖД, и хотя будущий консул считал, что это нежелательно, выбора не было. Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват в свою очередь, по отзывам В. Любы, не горел желанием помочь будущему консульству, «ссылаясь на стеснение в помещениях испытываемое самую железную дорогой и на удержание до сего времени многих квартир за военными чинами»⁶¹.

Не видя возможности разрешить эту ситуацию, Люба, сетуя, что открытие генерального консульства встретило препятствие, «особенно досадное в виду преобладающего нашего положения в Харбине и предстоящего несомненно тотчас же после окончания оккупационного срока открытия иностранных Представительств», предлагает отложить

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2236. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Л. 11.

⁶⁰ Там же. Д. 224. Л. 7.

⁶¹ Там же. Л. 7.

открытие консульства, «если таковое намечено в ближайшем будущем, до вырешения существенного вопроса о помещении»⁶².

Спустя несколько дней Люба отправляет в министерство новую телеграмму, в которой уточняет ситуацию: «Новый город почти сполна застроен зданиями китайской дороги, и аренда подходящего здания обошлась бы по наведенным справкам не менее 12 000 в год»⁶³. Люба предлагает начать строить весной 1907 г. здание консульства, а пока в качестве временного варианта считает возможным попросить у Дороги в пользование пустующие, но числящиеся за военным ведомством два дома в Новом городе, по Разъезжей улице, угол Большого проспекта 2/4. В них можно было бы разместить двух чинов и канцелярию, а в имеющейся в его распоряжении камере чиновника МИД выделить комнаты под квартиру для одного из сотрудников консульства и разместить помещение для проведения смешанных судов⁶⁴.

Одновременно он поручает жене, находившейся в Гатчине, связаться с вице-директором I департамента МИД И.Я. Коростовцом, чтобы тот помог, включив невидимые рычаги давления. В АВПРИ сохранилась записка Н. Любы, адресованная Коростовцу (11.10.1906): «Получила от мужа телеграмму: “Передай Ивану Яковлевичу, что консульство не открываю, так как квартирный вопрос не вырешен. Иначе придется открывать в гостинице”»⁶⁵.

Слабые надежды на то, что позиция Хорвата может измениться, дает будущему консулу ожидаемый визит в Харбин товарища председателя Правления КВЖД. Действительно, пессимистичная тональность докладов меняется после встречи с А.Н. Вентцелем. Несмотря на то, что присмотренные дома получить не удалось, появилась «новая комбинация», о которой раньше не приходилось и мечтать. Вентцель предложил одно из лучших зданий в городе (см. фото), ранее в нем располагался штаб командующего войсками. Правда, складывалось все не очень гладко: здание хоть и было прекрасно, но требовало значительного ремонта⁶⁶. Так или иначе, к концу октября 1906 г. эпопея с поиском здания завершилась успешно, в ноябре были утверждены необходимые документы, 1 января 1907 г. консульство открылось.

Стоит отметить, что 1907 г. для Харбина не был ни годом динамичного развития, ни годом взлета и расцвета. Город, которому еще не исполнилось и десяти лет, уже пережил «боксерское» восстание, трудности военных месяцев во время русско-японской войны и находился в точке определения будущего вектора своего развития. Как ни странно, достаточно точно описал этот момент американский консул Фишер в беседе с В.Ф. Любой (2 февраля 1907 г.).

Фишер отметил, что для иностранцев вполне очевиден выбор между Харбином и Куанченцзы, причем последний является более естественным рынком Гиринской провинции. Япония не дремлет, поэтому необходимо создать в Харбине такие условия, при которых иностранные капиталы и иностранные предприятия направлялись бы в Харбин, а не в Куанченцзы⁶⁷.

По мнению Фишера, все благосостояние Харбина до сего момента было построено на дороге и войне. «Только теперь Харбин переходит на нормальное положение и должен найти в себе самом источники для своего благосостояния и развития»⁶⁸. Для Фишера очевидно, что без подкрепления извне в виде притока сюда иностранных капиталов и сил Харбин погибнет и настоящий его кризис станет не временным, а окончательным падением Харбина. До сих пор в Харбине ничего не было сделано для развития фабричной и заводской деятельности, а только на этой деятельности может быть, с уверенностью за прочный успех,

⁶² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 224. Л. 7 об.

⁶³ Там же. Л. 11.

⁶⁴ Там же. Л. 7.

⁶⁵ Там же. Л. 11.

⁶⁶ Там же. Л. 14, 16, 17.

⁶⁷ Там же. Д. 210. Л. 17.

⁶⁸ Там же. Л. 16.

построено процветание каждого промышленного пункта. По словам Фишера, надо все начинать сначала и прежде всего поставить все дело на новых основаниях⁶⁹.

С чисто американской деловитостью и прагматичностью он советовал дать возможность каждому работать свободно и без всяких стеснений. За внешне нейтральным и логичным советом скрывался источник российско-американских разногласий – объем полномочий Управления КВЖД⁷⁰. С точки зрения Фишера, Дорога не могла выступать в зависимости от российских интересов то частным русским предприятием, то официальным казенным учреждением⁷¹.

Именно эта двойственность положения Дороги станет для российского консула самой большой неразрешаемой проблемой. А помимо этого, придется искать ответы и на другие не менее сложные вопросы: в чем именно заключается вклад консульства в «укрепление русского дела в Маньчжурии», как выстраивать отношения с КВЖД; интересы какого ведомства приоритетнее – Министерства финансов (Общество КВЖД) или МИДа; какую позицию занять по отношению к общественному управлению, создаваемому в населенных пунктах полосы отчуждения; все ли вопросы в пределах консульской компетенции должен решать российский консул в Харбине, каковы границы консульского округа; с какими должностными лицами в китайской администрации решать вопросы. Это лишь малый перечень проблем, не считая ежедневной консульской работы, с которым столкнулся В.Ф. Люба в 1907–1908 гг., находясь на должности российского генерального консула в Харбине.

Литература

Казанцев В.П. Формирование системы гражданского управления на арендованных Россией территориях: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 1890-х годов – февраль 1917 года). СПб.: Росток, 2015. 587 с.

Салогуб Я.Л., Казанцев В.П. Железнодорожная концессия 1898 года как фактор колониальной экспансии России в Китае // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 444–452.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / ред. Е.А. Адамов, сост. И.В. Козьменко. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. 470 с.

References

Adamov, E.A. (Ed.), Kozmenko, I.V. (Comp.). (1952). *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917* [Collection of Treaties of Russia with Other States. 1856–1917]. Moscow. 470 p.

Kazantsev, V.P. (2015). *Formirovanie sistemy grazhdanskogo upravleniya na arendovannykh Rossiey territoriyakh: polosa otchuzhdeniya KVZHD, Kvantunskaya oblast' (sередina 1890 godov – fevral' 1917 goda)* [Formation of a Civil Administration System in the Territories Leased by Russia: The Exclusion Zone of the CER, the Kwantung Region (mid-1890s – February 1917)]. St. Petersburg, Rostok. 587 p.

Salogub, Ya.L., Kazantsev, V.P. (2014). *Zheleznodorozhnaya kontsessiya 1898 goda kak faktor kolonial'noy ekspansii Rossii v Kitae* [The Railway Concession of 1898 as a Factor of Russia's Colonial Expansion in China]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Moscow. Vol. 1, pp. 444–452.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 210. Л. 16–16 об.

⁷⁰ Там же. Л. 16 об.

⁷¹ Там же.